

Александровская С.В.

Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3284>]

[Публикация работы:]

Александровская С.В. 2003: Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (12), 113-118.



НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND



РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES



НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH



ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

С. В. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ*

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СОЧИНЕНИЯХ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

«При каждом исполнении государственной задачи и обязанности – самое главное избежать даже малейшего подозрения в алчности... Нет более отвратительного порока, чем алчность, особенно со стороны первых граждан и людей, стоящих у кормила государства. Поэтому Аполлон Пифийский в том оракуле, какой он дал, – что Спарта погибнет уже из-за одной своей алчности, – по-видимому, предрек судьбу не одним только лакедемонянам, но и всем богатым народам...»¹ – так незадолго до своей смерти Марк Туллий Цицерон предвещал гибель римской Республики. Убежденному республиканцу было суждено наблюдать агонию демократического режима, полностью дискредитированного алчностью и политическими амбициями.

Считая коррупцию одной из причин падения римской Республики, Цицерон пристально изучал феноменологию этого явления.

Начав свою политическую карьеру в 80 г. до н. э. с выступления против «наглецов», Цицерон продолжит борьбу «с пагубным и нестерпимым могуществом подобного рода людей»² на протяжении всей своей жизни. В то время понятие «наглости» толковалось весьма широко и одновременно охватывало государственные, политические и просто бытовые аспекты. Потому уголовный процесс в защиту Росция благодаря участию Цицерона превратился, прежде всего, в процесс политический.

Не менее громким стал процесс против бывшего наместника в Сицилии Гая Верреса в 70 г. до н. э., в результате которого подсудимый отправился в изгнание, а обвинительная речь Цицерона вошла в историю права как глубокий анализ коррупционных правонарушений того времени.

В самом начале своего выступления, обоснованно предполагая возможность подкупа судей, Цицерон обращается к ним: «...уже установилось губительное для государства, а для вас опасное мнение, которое не только в Риме, но и среди чужеземных народов передается из уст в уста, будто при нынешних судах ни один человек, располагающий деньгами, как бы виновен он ни был, осужден быть не может»³. Затем обвинитель разоблачает систему вымогательства во вверенной подсудимому провинции: «Гай Веррес не раз говорил в Сицилии в присутствии многих людей, что за ним стоит влиятельный человек, полагаясь на которого он может грабить провинцию, а деньги он собирает не для одного себя; что он следующим образом распределил доходы своей трехлетней претуры в Сицилии: он будет очень доволен, если доходы первого года ему удастся обратить в свою пользу; доходы второго года он передает своим покровителям и защитникам; доходы третьего года, самого выгодного и сулящего наибольшие барыши, он полностью сохранит для судей»⁴.

В итоге Цицерон вынужден констатировать парадоксальную ситуацию, когда законодательство о вымогательствах усложняет положение тех, кого призвано защищать:

* Александровская Светлана Валерьевна – старший преподаватель юридического факультета филиала Кубанского государственного университета, г. Новороссийск.

¹ Cic. De off. Lib. II. XXI. 77.

² Cic. Pro S. Rosc., XIII. 35, 36.

³ Cic. In Verr. Act. I. I. 1.

⁴ Cic. In Verr. Act. I. I. 14.

«...по моему мнению, чужеземные народы, пожалуй, пришлют послов к римскому народу просить его об отмене закона о вымогательстве и суда по этим делам; ибо если такого суда не будет, то каждый наместник будет брать себе лишь столько, сколько, по его мнению, будет достаточно для него самого и для его детей...; по словам чужеземных народов, они еще могут удовлетворить алчность самого алчного человека, но оплатить победу тяжело виновного они не в состоянии»⁵.

Спустя семь лет, добившись консульства, Цицерон, имевший «репутацию ревностного блюстителя законности»⁶, попытается преодолеть ситуацию, «...когда вследствие заблуждения черни государством начинают править богатства немногих»⁷. Речь идет о предложенном им во время своего консулата законе, призванном противостоять electoralной коррупции (*ambitus*). Закон ужесточал предыдущие ограничения *ambitus*, предусматривая запрет на устройство гладиаторских игр в качестве средства привлечения голосов в течение двух лет, предшествующих кандидатуре, и наказание за допущенные злоупотребления в виде изгнания сроком на 10 лет. Однако желаемых результатов достигнуто не было. Коррупция в ходе предвыборных кампаний достигла к концу Республики беспрецедентных масштабов.

В 44 г. до н. э. Цицерон с горечью подытожит законотворческую практику тех лет: «...впоследствии было издано столько законов, причем каждый был строже предыдущего, столько людей было предано суду, столько их было осуждено, такая тяжкая война была вызвана страхом перед правосудием, так велико было ограбление и разорение союзников после уничтожения законов и правосудия, что мы сильны ввиду слабости других, а не благодаря своей собственной деятельности»⁸.

Таким образом, Цицерон обозначил криминологический аспект проблемы. Жесткое законодательство не может сдерживать рост преступности. Ее отрицательную динамику способна эффективно обеспечивать не строгость наказания, а его неотвратимость. В таком случае любые попытки незаконного освобождения от ответственности должны быть исключены. Возможно ли это? Видимо, да, но только в идеальном, т. е. действительно правовом государстве.

В 51 г. до н. э. Цицерон вдохновенно разрабатывает проблематику сущности государства, неразрывно связывая эффективную работу всех его институтов и укрепление конституционного порядка с необходимостью каждого порядочного гражданина участвовать в управлении государством.

В идеальном государстве, коим, по мнению Цицерона, может и должна стать римская Республика, свободному народу необходимо свободно выбирать наилучших людей⁹. Но беда в том, что далеко не все избиратели понимают, что такое есть доблесть, уравнивая с доблестью богатство и знатность происхождения, тогда как «нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими»¹⁰. Придавая особое внимание понятию формы, Цицерон ищет оптимальную для надлежащего оформления государства и соглашается с Полибием, считавшим неустойчивость простых политических форм причиной их круговорота¹¹. В сочетании элементов монархии, аристократии и демократии Цицерон видит возможность противостояния нарастающей в Риме тенденции к отчуждению государственного аппарата от римского народа.

К слову сказать, современная государственность с ее тяготением к смешанным формам правления недвусмысленно доказывает правоту римского оратора. Посему трудно согласиться с мнением Е. И. Темнова о том, что ценность идей мыслителя познается в сравнении с предшествующими, а не последующими теориями¹². Более того, присущая

⁵ *Cic. In Verr. Act. I. I. 14. 41.*

⁶ *Plut. Cic. 9.*

⁷ *Cic. Rep. I. 44. 5.*

⁸ *Cic. De off. II. 21. 75.*

⁹ *Cic. Rep. I. 44. 51.*

¹⁰ *Cic. Rep. I. 44. 52.*

¹¹ *Polyb. VI. 9.*

¹² Темнов Е. И. Цицерон – оратор, политик. Правовед // Цицерон. Сочинения. М., 1999. С. 11.



цицероновскому определению государства правая доминанта: «общность интересов и согласие всех в вопросах права» (*Cic. De rep. I. 39*), предполагающая прочное социальное сплочение или «согласие сословий», как никогда актуальна в наши дни. Не нашедшая позитивной оценки в то время, сейчас идея единства самых различных социальных групп становится ключевой в понимании сущности государства¹³.

В третьей книге диалога «О государстве», рассуждая о справедливости, Цицерон обращается к проблеме трансформации народа в чернь, видя в последней неперемного субъекта электоральной коррупции: «Ни одному государству не откажу я в этом названии (имеется в виду «достояние народа». – С. А.) с такой легкостью, как именно этому, в котором все целиком находится в полной власти толпы...»¹⁴ При этом жаждущая подачек, беспринципная и алчная толпа инициирует филологическое исследование Цицерона, пришедшего к выводу, что «наглость» (*petulantia*) получила свое название от слова «просить» (*proscare*), «навязчивость» (*proscacitas*) – от слова «попрошайничать» (*proscare*), т. е. «требовать» (*poscere*)¹⁵. Развращенная и ленивая толпа даже не ищет, а требует себе покупателя. И тот, лишенный истинной доблести и блеска, обязательно находится, покупая себе популярность угощениями, пирушками и раздачами. Так Цицерон вновь возвращается к проблемам предвыборной агитации, эффективность которой обеспечить законными средствами практически невозможно.

Логическим продолжением диалога «О государстве» является диалог «О законах» (51 г. до н. э.), в третьей книге которого Цицерон предлагает законопроект «О магистратах», должный, по мнению философа, стать действенным средством борьбы с электоральной коррупцией.

Во-первых, определяется назначение магистрата. Оно заключается «в том, чтобы руководить и отдавать распоряжения правильные, полезные и закономерные. Ибо, подобно тому, как магистратами руководят законы, так народом руководят магистраты, и можно с полным основанием сказать, что магистрат – это закон говорящий, а закон – это безмолвный магистрат»¹⁶.

Тогда, очевидно, купленный магистрат – это проданный закон?!

В целях пресечения попыток купли-продажи должностей предлагается следующая мера: «Да не берет никто на себя одной и той же магистратуры до истечения десятилетнего срока... Да не назначают никого легатом ради его личной выгоды...»¹⁷

В целях же противодействия коррупции в среде должностных лиц Цицероном предлагается следующая редакция закона: «Подарков да не принимают и не дают, ни добиваясь власти, ни исполняя свои должностные обязанности, ни исполнив их. Если кто-нибудь нарушит какое-либо из этих положений, то кара да соответствует преступлению»¹⁸.

Но и этого, по мнению философа, мало. Необходима строгая система контроля за деятельностью чиновников и их последующая отчетность о своей деятельности: «Цензоры да блюдут подлинность законов. Должностные лица, сделавшись частными, да отчитываются перед ними в своей деятельности, не освобождаясь тем самым от ответственности по закону»¹⁹.

Цицерон идет дальше, предлагая заменить цензорскую кооптацию честными выборами²⁰, причем главный критерий отбора претендентов – критерий нравственный: «Словие это да будет без порока; да служит оно для других сословий примером»²¹.

¹³ См.: Лившиц Р. З. Теория права. М., 2001. С. 55; Краснов М. А. Ответственность власти (государство в открытом обществе). М., 1997. С. 52–53; Курс российского трудового права / Под общ. ред. А. С. Пашкова. СПб., 1996. С. 523–524.

¹⁴ *Cic. Rep. III. 33.*

¹⁵ *Cic. Rep. IV. 6. 6.*

¹⁶ *Cic. Leg. III. 1. 2.*

¹⁷ *Cic. Leg. III. 3. 9.*

¹⁸ *Cic. Leg. III. 3. 11.*

¹⁹ *Cic. Leg. III. 13. 18.*

²⁰ *Cic. Leg. III. 12. 27.*

²¹ *Cic. Leg. III. 12. 28.*

В полемику включается брат Цицерона Квинт, вполне резонно считающий положение о «сословии без порока» располагающим к расширительному толкованию. Но Цицерон непримирим: «...так как закон велит, чтобы сенат был свободен от каких-либо пороков, то ни один человек, страдающий пороком, не должен вступать в это сословие...». Его бескомпромиссность легко объяснима, ведь «зло не только в том, что проступки совершают первенствующие люди (хотя это само по себе – большое зло), сколько в том, что у них находится очень много подражателей». А потому наказание за взяточничество и домогательство должностей должно быть суровым: «Так как преступления эти должны караться судебными приговорами в большей степени, чем словами, то прибавляется: “Кара да соответствует преступлению!”», – дабы каждый нес наказание в соответствии со своим проступком: чтобы самоуправство каралось утратой гражданских прав, алчность – пеней, искательство почетных должностей – дурной славой»²².

Однако правовых мер в борьбе с коррупцией, по мнению философа, явно недостаточно. Эффективность законодательной политики государства может быть обеспечена только законопослушностью его граждан. «Если обратиться к прошлому, то оказывается, что государство было таково, каковы были люди, занимавшие в нем наивысшее положение. ...Порочные первенствующие люди причиняют государству ущерб тем больший, что они не только воспринимают пороки сами, но и распространяют их в государстве...»²³ А потому уже на первых страницах диалога «О государстве» звучит яростный запрет порядочным людям отказываться от власти, поскольку таким образом они неминуемо открывают дорогу «бесчестным людям» и позволяют «им раздирать государство на части»²⁴.

Таким образом, ключевой фигурой в создании идеального государства становится Человек, наделенный мужеством и стойкостью, талантами и дарованиями, телесной красотой и душевным благородством (*virtus*).

Рекомендации философа однозначны: именно нравственность, доблесть, благородство выступают гарантами правовых государств, «...в которых лучшие люди добиваются похвалы и почестей, а от позора и бесчестия бегут. И их действительно отпугивает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами, сколько чувство стыда, данное человеку природой и как бы заставляющее его бояться вполне справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и доводит до полной силы установлениями и философскими учениями, – дабы совестливость не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления»²⁵.

Считая условием существования правового государства нравственное совершенство его граждан, Цицерон довольно категорично разрешает коллизию политических и личных интересов: ни при каких обстоятельствах дружбу нельзя предпочесть исполнению долга перед родиной. «Для дружбы должен существовать неизменный закон – не просить друга о бесчестных действиях и самому не совершать таковых, уступая его просьбам»²⁶.

Этические мотивы, идущие еще от Сократа, оформляются у Цицерона в портрет государственного деятеля. Это духовный человек, обладающий необходимым моральным потенциалом, глубоким профессионализмом, очевидными гражданскими достоинствами. Причем совестливость государственного деятеля воспринимается Цицероном более действенной гарантией морального поведения, чем страх перед божественным возмездием, не говоря уже о страхе перед наказанием уголовным²⁷. Видимо, не случайно по-

²² *Cic. Leg. III. 20. 46.*

²³ *Cic. Leg. I. 20. 33.*

²⁴ *Cic. Leg. I. 5. 9.*

²⁵ *Cic. Div. II. 4.*

²⁶ *Cic. De amic. XII. 40.*

²⁷ *Cic. De nat. deor. III. 85.*



следний труд Цицерона «Об обязанностях», посвященный сыну, по сути, адресован всякому молодому римлянину, вступающему на путь государственной службы.

Итак, молодой человек не должен избегать обогащения. Лишенный ханжества, Цицерон вовсе не презирает богатство, другое дело, что преумножение имущества должно исключать противозакония²⁸. Благотворительность и щедрость украсят любого, но только в том случае, если они законны²⁹.

Проявляемое в общественной деятельности милосердие должно дополнять строгость. При этом «надо следить за тем, чтобы тяжесть наказания не превышала тяжести проступка и чтобы не получалось так, что за одни и те же проступки одних людей постигала кара, а другие даже не были привлечены к ответственности»³⁰. Так в назидание будущим магистратам Цицерон излагает общие принципы гуманности, справедливости и неотвратимости наказания.

Как видим, круг идейно-политических советов и рекомендаций Цицерона необычайно широк. Он предстает перед нами не только как философ-гуманист и философ-просветитель. Он, что крайне важно, философ – государственный деятель. Наряду с Луцием Аннеем Сенекой и Марком Аврелием он один из тех мудрецов, кому удалось подняться на вершину государственной пирамиды, чтобы по мере возможностей реализовать свои научные изыскания в правотворческой практике.

К сожалению, римское публичное право восприняло лишь репрессивные средства борьбы с преступностью, тогда как обогащенная философским знанием антикоррупционная концепция Цицерона явила собой единый комплекс законодательных, политических, а главное, воспитательных мер.

Разрабатывая концептуальные основы правового государства, Цицерон формулирует идеологию Благочестия, Ума, Доблести, Верности³¹. Это идеология добра и общего блага, призванная воспитать нравственно совершенных граждан, чья честность и неподкупность воспринимаются Цицероном как этические гаранты правового государства: «Что может быть прекраснее положения, когда государством правит доблесть; когда тот, кто повелевает другими, сам не находится в рабстве ни у одной из страстей, когда он проникся всем тем, к чему приучает и зовет граждан, и не навязывает народу законов, каким не станет подчиняться сам, но свою собственную жизнь представляет своим согражданам, как закон?»³²

S. V. ALEKSANDROVSKAJA

**STRATEGIA DELLA LOTTA ALLA
CORRUZIONE NELLE OPERE DI MARCO
TULLIO CICERONE**

(RIASSUNTO)

Una delle cause del crollo della Res Publica romana, e rappresentata da una corruzione, elettorale e d'ufficio, senza precedenti. La corruzione nelle elezioni e quella dei magistrati elettivi aveva

compromesso l'equilibrio degli istituti democratici a Roma. Non a caso la legislazione contro la corruzione si era formata proprio negli anni della dittatura di Silla (*Lex Cornelia de ambitus, de*

²⁸ Cic. De off. I. 8. 26.

²⁹ Cic. De off. I. 14. 43.

³⁰ Cic. De off. I. 25. 89.

³¹ Cic. Leg. III. 14. 11; 28.

³² Cic. Leg. III. 34. 52.

magistratibus, de repetundis) e di Cesare (*Lex Julia de repetundis*).

Il diritto romano si era limitato ad un approccio repressivo nella lotta alla corruzione, ricorrendo a misure isolate rivelatesi poco efficaci (*Lex Poetelia de ambitu, Lex Baebia, Lex Fulvia, Lex Acilia*, ecc.)

L'indubbio merito della concezione di anticorruzione di Marco Tullio Cicerone fu l'approccio sistemico che univa misure di carattere statale, politico, sociale, giuridico e, molto importante,

educativo. Considerando la perfezione morale dei cittadini come condizione stessa dell'esistenza dello stato di diritto, Cicerone dava una particolare importanza, nel suo programma di lotta contro la corruzione, alla componente ideologica.

Naturalmente, non è possibile eliminare completamente né la corruzione né la criminalità; però una lotta efficace contro la corruzione e contro le sue conseguenze negative rappresenta una condizione indispensabile per ogni stato democratico.